Песнь Ночи и Гермес не ошиблись, когда предположили, что он не боится Миров. Он был на профессиональной сцене уже пять лет и играл на четырёх чемпионатах мира. Большинство людей подумали бы, что он уже привык к давлению. Но это было дальше всего от истины. Его секрет был в том, что он всегда волновался. Больше, чем все остальные вместе взятые. Тревога и паника не давали Тянь Тяню уснуть всю ночь. Руки его дрожали, колени дрожали.

Это была всего лишь одна мысль. Только одна мысль, которая постоянно мелькала у него в голове, ломала его дух и приводила к паническим атакам. Одна мысль. "Не облажайся! Не подведи свою команду! Не подведи своих поклонников! Не подведи своего дедушку!". Парень даже не думал о том, как хорошо у него получится. Тянь Тянь не думал о том, как был бы счастлив, если бы преуспел. Всё, о чём он думал, были бесчисленные способы, которыми он мог облажаться. То, что может заставить его задыхаться. Как он подводит своих товарищей. Как он подводит всех людей, которые верили в него. Каждую секунду, когда он оставался наедине со своими мыслями, в его голове всплывал совершенно новый сценарий, в котором он облажается и в одиночку проиграет игру.

Именно его тревога, страх неудачи, мысль о том, что он может подвести, когда люди рассчитывают на него, привели к пяти тарелкам с едой перед ним. Он сидел здесь и ел всю эту еду, чтобы попытаться облегчить свою тревогу, похоронить её под горами пирожных. Он сидел в банкетном зале один не потому, что его бросили товарищи по команде. Они не хотели идти и делать что-то без него. Тянь Тянь был здесь один, потому что хотел быть здесь. Ему хотелось побыть одному. Если бы его товарищи по команде знали, как он себя чувствует, что происходит у него в голове, они бы беспокоились о нем. Им будет грустно, потому что они ничего не смогут сделать, чтобы помочь ему, если узнают правду. Это ничего бы не дало, если бы все чувствовали то же, что и он. От этого будет только хуже. Вот почему он был один.

Каждый раз, когда он откусывал кусочек, прилив сахара и радость от вкуса прогоняли тревогу из его головы. Он мог расслабиться на секунду. Это был единственный способ справиться с этим. Постоянная потребность в еде, чтобы отвлечься от мучительной тревоги, и желание не обременять никого своими проблемами и ни в коем случае не подводить их, создали поистине неудачную комбинацию, которая привела к тому, что он изолировал себя от всех окружающих.

Так было не всегда. Ну, тревога и панические атаки были всегда. Но было время, когда Тянь Тянь был не совсем один. Это было четыре года назад, прямо перед началом Миров. Его тревога усилилась, и он был на грани панической атаки. Точь-в-точь как сегодня. Он не мог справиться со своими мыслями, не мог перестать волноваться и не мог дышать. Не успел он опомниться, как оказался в маленьком ресторанчике напротив отеля, в котором остановился. Он даже не помнил, как шёл туда, настолько был напуган. Тянь Тянь заказал всё, что было в меню, и устроился в тихом уголке. Совсем один. Принесли первую порцию, и у него потекли слюнки в предвкушении и еды, и кратковременной передышки от своих мыслей. Как раз в тот момент, когда он собирался закопаться в землю, его прервал молодой человек. Подросток, ещё учившийся в средней школе, держал в руках поднос с большой тарелкой еды.

Молодой парень поставил еду на стол и сел на пустой стул напротив Тянь Тяня. Он устроился поудобнее, а затем взял свою вилку и нож. Перед тем как приступить к еде, он посмотрел на Тянь Тяня и сказал:

– Кто-нибудь говорил тебе, что это невежливо – уходить и есть в одиночестве? Ты должен был что-то сказать, если хотел есть. Я тоже был голоден! Это невежливо, когда ты не приглашаешь своих друзей поесть с тобой! Ха-ха!

– Э-э-э… Я, э-э-э, просто я думаю… – Тянь Тянь посмотрел на свою еду, а затем перевёл взгляд на парня, сидящего напротив. Он хотел есть, нуждался в еде. Но он хотел ответить. То и это. Но каждый раз, когда он пытался что-то сказать, он запинался. Это всегда случалось, когда он нервничал. – Ты знаешь… Умм…. ну, с-с-с этой игрой… хм… завтра. Ты знаешь… э-э-э… Всё дело в Мирах. И я подумал. Н-н-нет, я просто подумал… э-э, и я был там… ну, ты знаешь… И. Ну, если я поем, мои нервы…

– Ой! Значит, ты нервничаешь? У тебя какое-то беспокойство, и ты пытаешься заесть свои чувства, да? Похоронить их под тем, что можно положить в рот? Неудивительно, что ты такой толстый! – рассмеялся юноша.

– Э-э, да, наверное… – Тянь Тянь смущённо опустил голову.

– Ну, значит, нас двое! Я тоже очень нервничаю! Миры начинаются завтра! Ты можешь в это поверить? Завтра! Я едва могу держать себя в руках! Поэтому я спустился сюда, чтобы заесть свои чувства! Совсем как ты! Ха-ха! – молодой человек посмотрел Тянь Тяню прямо в глаза, и его весёлый тон стал серьёзным. – Толстяк, послушай. Это очень важно. В следующий раз, когда у тебя возникнет такая тревога и тебе захочется есть, позови меня. Я пойду следом. Тогда мы оба сможем проглотить наши заботы вместе! Не будет так одиноко!

Тянь Тянь поднял голову и впервые посмотрел в глаза молодому парню. Впервые встретилась с ним взглядом. Тянь Тянь удивился сам себе. Он не помнил, когда в последний раз смотрел кому-то в глаза. Возможно, он сделал это впервые за всю свою жизнь. Но что-то в молодом парне заставило его захотеть этого, и когда он это сделал, то увидел глаза, сияющие радостью. Но он все еще колебался. Он привык есть в одиночестве, ел так быстро, что мог остановить собственные мысли. Если бы там был кто-то ещё, человек не позволил бы ему просто поесть. Он захочет поговорить. И тогда он снова окажется в ловушке своих мыслей.

Как только он начал спускаться по тернистой тропинке в своем сознании, по которой он шел так много раз прежде, той, что спиралью уходила в тёмное место, молодой парень снова прервал его:

– Разве не веселее есть с кем-то другим? Еда предназначена для того, чтобы делиться ею с друзьями и наслаждаться ею! Давай насладимся этой трапезой вместе!

Боль пронзила голову и живот Тянь Тяня одновременно, вырывая его из воспоминаний. Он взял вилку с тарелки и облизал её дочиста. Потом он сидел, уставившись на пустой банкетный зал. Ошеломлённый. Он долго не ел и не двигался. Парень просто сидел, не моргая. Затем внезапно и без предупреждения он вонзил вилку в то, что лежало на тарелках, и начал есть. Тянь Тянь ел так, словно от этого зависела его жизнь. Как будто ему нужно было похоронить то, что он чувствовал, под таким количеством пищи, которое могло выдержать его тело. Глазурь и

крошки соединились и образовали корочку вокруг рта. Тянь Тянь всё ещё продолжал есть. Часть крошек попала ему в рот, но они быстро сменились новыми крошками и кусочками пищи. Он вдыхал еду перед собой, а слёзы текли по его лицу. Его плечи задрожали. Между укусами и перемещением тарелок он плакал и бормотал:

– Л-линь Фэн, куда ты… ушёл? Ты же сказал, что поешь со мной! Ты же просил позвать тебя! – но никто не слышал и не видел его слёз в пустом банкетном зале.

http://tl.rulate.ru/book/60134/1652614